

ТЕБЯ ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО

ВЛАДИМИР ПАВЛОВ

Владимир Павлов
Тебя здесь не было

«Автор»

2026

Павлов В.

Тебя здесь не было / В. Павлов — «Автор», 2026

Илье приходит короткое видео: он входит в незнакомую квартиру вместе с женой. Через несколько часов Анна исчезает. Но Илья точно знает: в тот день его там не было. Соседка узнаёт его. В журнале посещений стоит его фамилия. Кто-то настойчиво подсказывает, что искать, кому звонить и о чём лучше молчать. Чтобы найти жену, Илье придётся выяснить, кто использует его лицо и почему Анна скрывала происходящее на работе. Пока он пытается доказать, что запись лжёт, человек, которому он доверяет, уже знает его следующий шаг.

Содержание

Глава 1. Человек на записи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Павлов

Тебя здесь не было

Глава 1. Человек на записи

Когда телефон в третий раз завибрировал на подоконнике, Илья держал обеими руками ножку стола.

Если отпустить сейчас, соединение сдвинется. Не сильно — на миллиметр, может быть, меньше. Заказчик ничего не заметит, пока через полгода не поставит на стол тяжёлую вазу.

Илья прижал деталь плечом, потянулся к струбцине и затянул винт.

Телефон перестал вибрировать.

— Сейчас, — сказал он.

В мастерской никого не было.

За запылённым окном темнел двор. Вода капала с перекошенного козырька на металлическую крышку контейнера. В дальнем углу пахло мокрой штукатуркой: после вчерашнего дождя стена снова набрала влагу.

Илья провёл пальцем по соединению. Стык получился ровным. Выступивший клей он снял влажной тряпкой и только потом посмотрел на часы над дверью.

Двадцать один двенадцать.

Он рассчитывал закончить к восьми.

На экране телефона светилось уведомление из приложения доставки. Курьер привёз посылку в пункт выдачи.

Ниже было ещё несколько уведомлений.

Два пропущенных от Ани.

17:18.

17:24.

Сообщение, отправленное раньше:

«Задержусь. Дома нужно поговорить».

Илья некоторое время смотрел на последние три слова.

Утром они уже разговаривали.

Он нажал на имя жены и приложил телефон к уху.

Длинные гудки.

Пока шёл вызов, он проверил струбцину ещё раз, хотя необходимости в этом не было.

Аня не ответила.

Илья написал: «Только освободился. Минут через сорок буду».

Потом добавил:

«Что купить?»

Сообщение ушло. Под ним появились две серые галочки.

Он положил телефон на верстак экраном вверх.

Утром Аня стояла у кухонного окна с чашкой, которую даже не пригубила. На подоконнике лежал их старый домашний ноутбук. Рабочий она уже убрала в сумку.

— Ты можешь сегодня прийти пораньше? — спросила она.

Илья искал ключи от мастерской.

— Насколько?

— Просто пораньше.

— У меня стол разобран.

Аня поставила чашку.

— Я не про стол.

Он нашёл ключи под рекламным листком, сунул их в карман и только тогда посмотрел на неё.

— Что случилось?

— Давай вечером.

— А сейчас нельзя сказать?

Она помолчала.

— На работе какая-то дрянь происходит.

Он решил, что речь снова о директоре, который присылал документы после окончания рабочего дня. Или о пятничном совещании, после которого Аня просидела весь выходной с таблицами.

— Я же говорил, уходи оттуда.

— Илья.

— Что? Если они считают, что могут...

— Ты даже не спросил, что происходит.

Он помнил, как посмотрел на часы. Помнил это неприятное движение — быстрый взгляд мимо неё, на стену.

— Я спрашиваю.

— Нет. Ты уже всё решил.

Потом он сказал, что не может каждое утро начинать с выяснения отношений. Она ответила, что это не выяснение отношений.

Он ушёл, не допив кофе.

Теперь в мастерской стало совсем тихо. Компрессор остыл и щёлкнул под верстаком.

Илья снова набрал Аню.

Гудки шли так долго, что он успел убрать кисти, закрыть банку и снять фартук.

Ответа не было.

— Ладно, — произнёс он.

Она могла ехать в метро. Могла сидеть с кем-нибудь из своего отдела в кафе. Могла просто не хотеть с ним разговаривать.

Последнее казалось наиболее вероятным.

Он выключил свет над станками, оставив лампу у входа, проверил замок на окне и вышел во двор.

На улице моросило.

Илья поднял воротник рабочей куртки. На левом рукаве тянулась белёсая полоса от грунта. Он заметил её только сейчас и провёл ладонью по ткани, будто это могло помочь.

У ворот стоял фургон соседней типографии. Водитель сидел внутри, освещённый телефоном, и смеялся чему-то в наушнике.

Всё было обычным.

Это потом Илья вспоминал особенно часто: ничего вокруг не изменилось.

В магазине у дома он взял молоко, яйца и хлеб.

Потом вернулся к полке с чаем.

Утром Аня сказала, что закончился её жасминовый. Он ответил что-то невнятное, пока смотрел в телефон, но всё-таки услышал.

Чая нужной марки не было. Илья достал телефон, собираясь сфотографировать полку и спросить, какой подойдёт вместо него.

Переписка оставалась без ответа.

Его собственное «Что купить?» выглядело глупо.

Он убрал телефон и взял самый похожий.

У кассы перед ним расплачивался мужчина в расстёгнутой пуховой жилетке. Терминал не принимал карту. Мужчина прикладывал её снова и снова, будто от силы нажима зависело решение банка.

Илья чувствовал, как нарастает раздражение.

Он не понимал пока, на что именно злится. На чужую карту. На поздний час. На то, что придётся извиняться, а Аня сначала будет говорить спокойно, и именно это окажется хуже всего.

Она редко повышала голос.

Когда злилась по-настоящему, начинала подбирать слова с такой осторожностью, словно разговаривала с человеком, которому нельзя доверять.

В лифте он посмотрел на своё отражение.

В свои тридцать шесть он редко думал о возрасте, зато к вечеру лицо выглядело старше. Под глазами залегли тени. На щеке, возле уха, осталась пыль.

Он потёр её рукавом.

Квартира встретила темнотой.

— Ань?

Илья не стал сразу включать свет. Закрыв дверь, прислушался.

Холодильник гудел на кухне. С верхнего этажа доносился звук воды в трубах.

— Я пришёл.

Он щёлкнул выключателем.

На узкой тумбе лежали квитанция, две резинки для волос и ручка без колпачка. Анины домашние тапочки стояли у стены носками друг к другу.

Обычно она отбрасывала их как придётся.

Илья посмотрел на вешалку.

Светлого плаща не было.

Тёмно-синяя куртка висела на своём крючке, под его зимним пальто. Он машинально поправил съехавшую петлю и прошёл на кухню.

На столе лежал список:

молоко, яйца, хлеб, чай.

Ниже Аня приписала: «Лампочка в ванной».

Он поставил пакет рядом.

Чашка, из которой она пила утром, стояла в раковине. На сушилке у батареи висел серый свитер. Один рукав свесился почти до пола.

Илья поднял его, расправил.

На подоконнике остался её маленький фикус. В землю была воткнута деревянная палочка, которой она проверяла влажность.

Никаких признаков ссоры.

Точнее, ссора была, но квартира о ней не знала.

Он заглянул в спальню.

Покрывало с её стороны было отогнуто: утром Аня, видимо, присела застегнуть серьгу. На прикроватной тумбочке лежала раскрытая книга обложкой вверх. Зарядный провод свисал к розетке.

Дорожная сумка стояла наверху шкафа.

В ванной было чисто и пахло её кремом для рук.

Он вернулся на кухню и позвонил ещё раз.

Теперь вызов оборвался после нескольких гудков.

Илья отнял телефон от уха.

Перезвонил.

Снова гудки.

— Ну ответь ты, — сказал он негромко.

Ему не понравился собственный тон. Будто она делала что-то назло, а он уже имел право сердиться.

Он набрал:

«Ань, я дома. Прости за утро. Позвони, пожалуйста».

Прочитал.

Убрал точку после слова «дома», потом поставил обратно.

Отправил.

Пока убирал покупки, подумал о Максиме.

У Туманова можно было спросить, во сколько Аня ушла с работы. Но если она просто сидела где-нибудь и пыталась успокоиться, такой звонок выглядел бы именно тем, за что она его утром упрекала: вместо того чтобы дождаться и выслушать, он уже начинал всё устраивать через других.

Илья положил чай на полку.

В холодильнике стояла кастрюля супа. Он снял крышку, посмотрел внутрь и закрыл.

Есть не хотелось.

На экране было двадцать два девятнадцать.

Они вместе почти девять лет. Он знал, что Аня иногда задерживается. Знал, что может забыть включить звук после совещания. Однажды она оставила телефон у кассы в аптеке и нашла только через два часа.

Но она не оставляла без ответа четыре звонка подряд.

Илья открыл переписку снова.

Последнее сообщение не было прочитано.

Он прокрутил разговор вверх.

Во вторник она прислала фотографию собаки, которая сидела на водительском месте припаркованной машины.

В среду — просьбу забрать обувь из ремонта.

Вчера:

«Ты долго?»

Он ответил:

«Ещё час».

Потом:

«Скоро».

Потом, уже почти в десять:

«Еду».

Илья положил телефон на стол.

В квартире было слишком много мелких звуков. Щёлкала остывающая батарея. За стеной кто-то передвигал стул. В холодильнике дребезжала плохо вставленная полка.

Он подошёл к окну.

Во дворе под фонарём стояли два человека с собакой. Один держал над обоими зонт, другой курил.

Илья вдруг захотел оказаться там, внизу. Подойти, попросить сигарету, хотя не курил пять лет. Постоять рядом с людьми, у которых вечер продолжался обычным образом.

Телефон завибрировал на столе.

Он обернулся так резко, что задел плечом оконную створку.

На экране высветился незнакомый номер.

Сообщение.

Без приветствия.

Видео.

Илья сначала решил, что это ошибка.

В списке переписок не было ни имени, ни фотографии. Только номер и серый круг вместо аватара.

Под видео стояла продолжительность: девятнадцать секунд.

Он нажал на воспроизведение.

Картинка дёрнулась и замерла на долю секунды, прежде чем пойти дальше.

Лестничная площадка. Стены, до половины выкрашенные в грязный зелёный цвет. Узкое окно в глубине. Чёрная металлическая дверь справа.

Камера смотрела сверху, из угла под потолком.

В кадр вошла Аня.

Илья узнал её сразу.

По плащу. По светлой сумке через плечо. По тому, как она поджимала губы, когда о чём-то думала.

Она остановилась перед дверью и обернулась.

Следом появился мужчина.

Тёмно-синяя куртка.

Серая кепка.

Рост примерно как у Ильи.

Мужчина подошёл к двери, поднял руку. Что-то сделал у замка.

Аня ждала, опустив глаза.

Дверь открылась внутрь.

Она прошла первой.

Мужчина задержался на пороге, повернул голову к лестнице, потом вошёл вслед за ней.

Дверь закрылась.

Запись закончилась.

Илья стоял у стола, всё ещё держа телефон в поднятой руке.

Никакой музыки. Никаких голосов.

Только слабое шипение.

Он включил видео снова.

Аня.

Мужчина.

Дверь.

Снова.

Во втором просмотре он заметил время в верхнем углу.

19:42:11.

Над ним — дата.

Сегодняшняя.

Илья опустил на стул.

В девятнадцать сорок две он был в мастерской.

Не примерно. Он точно был там.

В это время он ещё не собирал стол, а только подгонял соединение. Или уже собирал? Он нахмурился, пытаясь восстановить последовательность.

Сначала убрал старый клей.

Потом проверил посадку.

Потом включил станок, чтобы снять лишнее с вставки.

Это было после семи.

После семи он точно никуда не выходил.

На записи мужчина чуть повернул лицо к камере.

Илья остановил кадр.

Из-за кепки глаза скрывались в тени. Нижняя часть лица получилась смазанной. Нос, подбородок, линия щеки — всё было знакомым ровно настолько, чтобы от этого стало холодно.

Он приблизил изображение двумя пальцами.

Лицо рассыпалось на квадраты.

Илья убрал увеличение.

Поставил на воспроизведение.

Мужчина шёл так, как ходят многие: немного опустив голову, с коротким наклоном вперёд. Но Илье показалось, что он узнал и это движение.

Собственное.

Так он входил в подъезд, когда возвращался с тяжёлой сумкой инструментов.

Он отодвинул телефон.

— Нет.

Слово прозвучало громко.

Илья посмотрел в тёмный дверной проём кухни.

Квартира оставалась пустой.

Он набрал Аню.

Гудки.

На этот раз он ждал, пока соединение не оборвалось само.

Потом открыл сообщение с видео и написал:

«Кто это?»

Отправил.

Пальцы плохо слушались. Он промахнулся по букве и стёр целое слово.

«Где моя жена?»

Под сообщением появилась отметка доставки.

Илья смотрел на неё.

Через несколько секунд незнакомый собеседник начал печатать.

Три точки возникли, исчезли.

Снова возникли.

Ответ пришёл одной строкой:

«Не притворяйся. Ты знаешь, где она».

Илья поднялся.

Стул с сухим скрежетом отъехал по плитке.

Первым его движением было проверить входную дверь.

Он подошёл, дёрнул ручку, повернул нижний замок до упора. Потом зачем-то посмотрел в глазок.

Пустая площадка.

Жёлтый свет.

Соседский коврик с загнутым углом.

Он приложил ладонь к двери.

В подъезде хлопнул лифт.

Илья отступил на шаг.

Через несколько секунд за стеной прошли люди. Звякнули ключи. Напротив открылась квартира.

Обычные звуки, которые он слышал каждый вечер.

Теперь он слушал, пока соседская дверь не закрылась.

Телефон снова завибрировал.

Он едва не выронил его.

Но это было уведомление магазина: «Оцените сегодняшнюю покупку».

Илья закрыл его.

В прихожей горел свет. На вешалке, под зимним пальто, висела тёмно-синяя куртка.

Он смотрел на неё несколько секунд, прежде чем подошёл.

Вынул из-под пальто.

Куртка была старая. Не рабочая, но уже и не та, которую жалко. Аня дважды предлагала купить новую, а он отвечал, что эта ещё нормальная.

На левом кармане разошлась строчка. Молнию три года назад меняли в ателье возле метро. Новый бегунок был чуть длиннее старого и стучал по зубцам, когда Илья быстро шёл.

Он взял телефон, открыл видео.

Остановил на кадре, где мужчина стоял боком.

На груди у того была светлая вертикальная черта.

Бегунок.

Илья поднёс куртку ближе к экрану.

Ничего это не доказывало. Таких курток тысячи. Такие бегунки ставят в любом ремонте одежды.

Он вывернул воротник.

На внутренней стороне оставалась нашивка, которую Аня пришила поверх лопнувшего шва.

На видео внутренней стороны не было видно.

Он провёл ладонью по плечам. Ткань была сухой. Никакого запаха дождя.

Когда он надевал её в последний раз?

В воскресенье?

В понедельник, кажется, ездил к заказчице на Петроградскую.

Нет. Тогда было холоднее, он был в пальто.

Илья попытался вспомнить куртку утром.

Висела ли она здесь, когда он уходил?

Он помнил собственные ключи под рекламой. Помнил Анину чашку. Помнил раздражение, с которым натягивал ботинок: шнурок зацепился за крючок.

Куртку не помнил.

Он сунул руку в карман.

Чек из строительного магазина.

В другом кармане — мелкая монета и сложенная бумажная салфетка.

Ничего чужого.

Илья поставил ботинки ровнее, хотя они не мешали, и вернулся на кухню.

Незнакомец больше не писал.

Он нажал на номер.

Вызов пошёл не сразу. В трубке что-то щёлкнуло.

Потом раздался ровный женский голос:

— Абонент временно недоступен...

Илья сбросил.

Позвонил снова.

То же самое.

Он открыл профиль. Ни фотографии, ни описания.

Внизу — номер, который ничего ему не говорил.

Он скопировал его в поиск по контактам.

Совпадений не было.

Тогда он сохранил видео в память телефона.

Приложение спросило, разрешить ли доступ к файлам.

От этой мелкой заминки его почти затошнило.

Он нажал «Разрешить» и дождался, пока полоска загрузки дойдёт до конца.

Потом сделал снимок экрана с сообщением.

И ещё один — с номером.

Ему вдруг стало ясно, что он боится исчезновения этой переписки. Как будто, если отправитель всё удалит, останется только Илья со своими словами: жена пропала, а какой-то человек прислал запись, на которой...

Он не закончил мысль.

Снова включил видео.

Теперь заставил себя смотреть не на мужчину.

На Аню.

Она появилась в кадре с правой стороны, со стороны лестницы. Не бежала. Не оглядывалась через плечо. Сумка висела привычно, ремень немного перекрутился.

В руке у неё был телефон.

Она посмотрела на экран перед тем, как дверь открылась.

Потом сказала что-то мужчине.

Движение губ было слишком коротким, чтобы разобрать слова.

Илья прибавил громкость.

Шипение стало громче.

Он поднёс динамик к уху.

Ничего.

Аня не выглядела испуганной.

Но он ведь плохо видел лицо. И что вообще можно понять по нескольким секундам, снятым сверху?

Она могла знать этого человека.

Могла думать, что знает.

Илья остановил видео.

Последняя мысль была неприятнее остальных.

Он открыл их переписку.

«Задержусь. Дома нужно поговорить».

В шестнадцать пятьдесят восемь.

Через двадцать минут первый звонок.

Ещё через шесть минут второй.

Что она хотела сказать?

Он нажал на значок вызова, словно от количества попыток что-то могло измениться.

На этот раз телефон сообщил, что абонент недоступен.

Илья убрал его от уха.

Посмотрел на экран.

Позвонил ещё раз.

Недоступен.

У него вспотели ладони.

Он вытер их о джинсы, взял стакан, налил воды из фильтра.

Первый глоток не получилось проглотить.

Он поставил стакан слишком резко. Вода выплеснулась на список покупок.

Чернила расплылись вокруг слова «чай».

Илья взял полотенце, прижал к столу. Потом бросил его в раковину.

Нужно было кому-то позвонить.

Он открыл контакты и нашёл Максима.

Большой палец завис над зелёной трубкой.

Сейчас придётся объяснять. С самого начала. Утренний разговор, пропущенные звонки, видео, на котором он сам — или кто-то, похожий на него, — входит с его женой в чужую квартиру.

Максим спросит, уверен ли он, что это Аня.

Потом — уверен ли он, что это не он.

Илья закрыл контакты.

Сначала полиция.

Он знал, что нужно звонить в полицию. Никаких трёх суток не требуется. Он где-то читал об этом, кто-то рассказывал, это было нормальное, простое знание.

Но между знанием и нажатием кнопки вдруг возникло препятствие.

Пока он не позвонил, Аня ещё могла появиться в дверях.

Недовольная, усталая, с выключившимся телефоном.

Сказать: «Я же написала, что задержусь».

Объяснить запись чем-нибудь нелепым и обычным. Ошибкой. Розыгрышем, в котором кто-то зашёл слишком далеко.

Илья посмотрел на часы.

Двадцать два сорок восемь.

Он представил, как Аня стоит где-нибудь на холодной лестнице без возможности позвонить.

Нажал 112.

Пока шло соединение, он понял, что так и не снял рабочую куртку. Сидел в ней на кухне больше получаса.

— Служба экстренных вызовов. Что у вас произошло?

— У меня жена пропала.

Слова прозвучали странно. Слишком определённо.

— Назовите ваш адрес.

Он назвал.

Женщина уточнила номер квартиры.

Попросила представиться.

Илья ответил.

— Когда вы последний раз видели супругу?

— Утром. Мы вместе... Она была дома, когда я уходил.

— Сколько ей лет?

— Тридцать три.

— С какого времени не выходит на связь?

— Она звонила в начале шестого. Я не услышал.

— У вас есть основания полагать, что ей угрожает опасность?

Илья посмотрел на застывший кадр.

— Мне прислали видео.

Он услышал собственное дыхание.

— На нём она входит в какую-то квартиру. С мужчиной. Потом написали, что я знаю, где она.

— Кто прислал?

— Я не знаю.

— Вам угрожали?

— Пока нет.

— Видео снято сегодня?

— Там сегодняшняя дата. Но я...

Он замолчал.

— Вы знаете мужчину на записи?

Илья провёл свободной рукой по лицу.

— Он на меня похож.

Женщина не переспросила. Продолжила тем же ровным голосом:

— Оставайтесь, пожалуйста, на линии.

Он сел.

Запах клея всё ещё держался на пальцах. Илья вдруг с отчётливостью вспомнил, что в мастерской оставил включённой лампу у двери.

Совершенно ненужная мысль.

Он зацепился за неё, пока его соединяли.

Когда ответил дежурный, пришлось рассказать всё заново.

Илья старался говорить по порядку. Получалось плохо.

Он перепрыгнул с утреннего разговора на время в углу записи, потом вернулся к звонкам. Назвал номер отправителя и сбился на одной цифре.

Дежурный попросил повторить.

Спросил, не могла ли жена уехать к родственникам. Были ли конфликты. Случалось ли ей раньше пропадать.

— Не случалось.

— Сегодня конфликт был?

— Утром поссорились.

Он смотрел на мокрый список покупок.

— Из-за чего?

— Она хотела поговорить о работе. Я торопился.

— Угрозы в её адрес поступали?

— Я не знаю.

Это был худший ответ за весь разговор.

Не потому, что прозвучал подозрительно.

Потому, что оказался правдой.

Ему задали ещё несколько вопросов. Сказали, куда приехать с документами и телефоном, предупредили ничего не удалять.

Илья записал адрес на обороте магазинного чека.

Почерк получился неровным.

Когда звонок закончился, он некоторое время сидел, положив телефон перед собой.

Потом позвонил Максиму.

Тот ответил после четвёртого гудка.

— Илюх, привет.

На заднем плане негромко играла музыка.

— Ты Аню сегодня видел?

Музыка стихла.

— Что случилось?

— Видел?

— Днём в офисе. А что?

Илья закрыл глаза.

— Она домой не пришла.

— В смысле?

— И телефон выключен. Мне запись прислали.

— Какую запись?

— Я сейчас тебе перешлю. Только... Посмотри сначала.

Он отправил видео.

Максим молчал несколько секунд.

Потом сказал:

— Это где?

— Я не знаю.

Снова пауза.

— Илья, это кто с ней?

— Не я.

Он ответил раньше, чем Максим закончил вопрос.

— Я понял. Я не говорю, что ты. Ты ей звонил?

— Звонил.

— На работу?

— Нет.

— Там уже никого. Подожди, я сейчас сам попробую.

— Я в полицию позвонил.

Максим выдохнул.

— Правильно. Хорошо сделал.

Илья внезапно почувствовал, что больше не может слушать даже этот спокойный голос.

— Мне туда ехать надо.

— Я к тебе подъеду.

— Не надо. Я пока сам.

— Ты точно можешь...

— Макс, я перезвоню.

Он завершил вызов.

Почти сразу пришло сообщение:

«Я на связи. В любое время».

Илья прочитал и положил телефон в карман.

Потом достал обратно.

Нужно было зарядное устройство.

Документы.

Анина фотография.

В прихожей он открыл ящик тумбы, вынул паспорта. Его лежал сверху, её — под папкой с гарантиями на технику.

Он взял оба.

На секунду ему стало легче.

Паспорт дома. Дорожная сумка на шкафу. Зарядка возле кровати.

Она не собиралась уезжать.

Потом пришла другая мысль: для поездки по городу паспорт не нужен.

Илья закрыл ящик.

Перед выходом он решил ещё раз посмотреть запись.

Не целиком. Только последние секунды.

Он не мог объяснить зачем.

Возможно, надеялся найти что-нибудь, что снимет хотя бы один вопрос. Вывеску за окном. Надпись на стене. Чужую фамилию на двери.

Видео открылось с начала.

Аня вошла в кадр.

Сумка ударилась о бедро.

Мужчина подошёл к замку.

Илья остановил запись.
Взял телефон двумя руками и медленно сдвинул изображение.
Лицо снова расплылось.
Он уменьшил масштаб.
Не лицо.
Дверь.
Чёрная, с широким металлическим наличником. Над глазком что-то светлело, но голова мужчины закрывала верхнюю часть.
Илья передвинул ползунок на секунду назад.
Мужчина ещё не подошёл.
На двери были цифры.
Из-за сжатия они сливались с бликом.
Он сделал снимок экрана.
Увеличил уже его.
Одна цифра прямая, угловатая.
Другая с длинной верхней чертой.
Илья вернулся к видео, поймал соседний кадр.
Снова увеличил.
Сорок семь.
Он произнёс номер вслух, чтобы запомнить.
— Сорок семь.
Ни он, ни Аня не жили в квартире с таким номером. Ни родители, ни её сестра, ни Максим.
На записи мужчина открыл дверь.
Аня переступила порог.
Илья смотрел на её лицо в тот короткий миг, когда она оказалась под камерой.
Она повернула голову в сторону мужчины и что-то сказала.
Не улыбнулась.
Не испугалась.
Просто сказала несколько слов человеку, которому позволила открыть перед собой дверь.
Запись закончилась.
В прихожей, под зимним пальто, неподвижно висела синяя куртка.
Илья погасил экран, взял ключи и вышел искать квартиру сорок семь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.